

Эперне — в 150 километрах от Парижа, сердце Шампани. 35 тысяч жителей. Большая часть их связана с профессиями по производству игристого, всему миру известного французского шампанского.

Сегодня я здесь не для дегустации вин, не для посещения знаменитых погребов, на которых фактически расположен весь город. Бывали случаи, когда пешеходы сквозь ненадежный тротуар проваливались — к счастью, без телесных повреждений — прямо в винные склады.

Сегодня в Эперне, в городском доме молодежи и культуры, большое событие. Тут ставят интересный спектакль. Пьеса называется «Мольер-73». Автор — Кристиан Леже. Две его предыдущие пьесы были встречены в Париже с большим интересом и критиками, и публикой.

Пьесу «Мольер-73» ставит передвижная труппа. Ее руководитель — Андре Бенишу. До того, как он стал директором этой труппы, Бенишу был актером известного московского театра Роже Планшона «Вилёрбан» и приезжал с этим театром в СССР, где они ставили «Трех мушкетеров» и «Тартюфа».

Сегодняшний «Мольер-73» — спектакль особенный. Все знают Мольера-классика, Мольера, которого изучают на школьных скамьях, Мольера «Комеди франсез» и театральных школ, который, как говорят иногда неуважительно студенты, «навяз в зубах» и «оброс бородой». «Мольер-73» через 300 лет после смерти великого драматурга стирает с него хрестоматийный глянец, доносит его до нас живым, делает из него нашего современника.

Перед нами сцена. В центре ее — рука из папье-маше величиной в два человеческих роста. Справа и слева портативные вешалки с костюмами для действующих в спектакле пятерых актеров. Их дополняют: музыкальный оформитель, костюмер, электромонтер, техник. Актеры приглашаются на сезон. В случае надобности труппу пополняют учащиеся драматических школ. Все они энтузиасты сцены. Работа в передвижном

МОЛЬЕР БЕЗ ПАРИКА

театре нелегкая. Заработок мизерный.

Трудно существование актеров. С этого, собственно, и начинается спектакль «Мольер-73».

Открывается занавес. На сцене пять человек. Они оглядывают зал так, как будто он почти пуст.

«Опять никого нет. Спектакль не состоится. А тем, кто пришел, не придется возмещать стоимости билета, они пришли по контрамаркам».

«Смываюсь. У меня халтура на эстраде».

«Если попаду на поезд, успею на выступление...»

«Съем бутерброд и постараюсь что-нибудь подработать до ночи».

Руководитель труппы пытается удержать разбегающихся актеров. Это ему, конечно, не удалось бы, если бы не сообщение о том, что молодой труппе дана дотация на постановку спектакля.

Радость, торжествующие крики, надежды, восторг. Но что ставить? Циркулярное письмо подсказывает классику: Корнель, Расин, Бомар-

ше... Актеры не согласны. Но тут они вспоминают, что существует Мольер. Может быть, его?

Мы видим сцены из Мольера, немного гротесковые, с Марианной в мини-юбке, исполненные так, как их понимает молодая труппа.

Протесты! Протестует откуда-то с галерки Корнель:

«Вы исказили текст. Ваша последняя реплика не из Мольера!»

Протестуют и актеры:

«Нас не понимают. Кому нужен Мольер? Да и вообще, кто такой был Мольер? Лакей Людовика XIV. Королевский лизоблюд!»

Не отчаявшийся, по-прежнему энтузиаст, вдохновитель спектакля надевает костюм и парик Мольера и говорит, что он обращается к нам на языке и от имени Мольера, который 300 лет назад при тоталитарной королевской власти и власти духовенства сумел создать бессмертные шедевры, вскрывающие человеческие слабости, разоблачающие и клеймящие пороки.

После нескольких коротких сцен, где мы чувствуем, с какой легкостью Мольер перешагивает отделяющий его от нас барьер времени, — и мы уже не видим ни его костюма, ни парика, а только его самого, — актеры выходят на авансцену и обращаются к публике:

«Мы сыграли перед вами спектакль. Нравится он вам?»

Донести театр в массы — вещь нелегкая. Но и не невозможная. У труппы «Народного театра Юры», кроме домов молодежи и культуры, кроме амбаров, где подчас она играет в сельских местностях, за последние годы появилась новая благодатная публика. Это учащиеся школ, лицеисты и колледжей. Андре Бенишу с актерами приходит в школу, учитель ведет урок литературы. Актеры иллюстрируют его сценами из того же Мольера, подчеркивая и выявляя сущность и глубину текста.

Дети не забудут этих первых встреч с театром, с Мольером, и вместе с ними он шагнет в четвертое столетие своего бессмертия.

Элизабет МАНЬЯН
ЭПЕРНЕ—ПАРИЖ

25 APR 1975

МОСКВА

Министерство культуры